

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ПОЭМЕ П.АНТОКОЛЬСКОГО «СЫН»

Авторська позиція в поемі П. Антокольського «Син» розглянута в статті у контексті радянської поезії воєнних років. В якості порівняльного матеріалу залучені вірші «Італієць» М. Светлова та «Убий його!» К. Симонова. Зроблено спробу показати своєрідність позиції Антокольського, дослідити систему виразних засобів, використаних при її реалізації.

Ключові слова: позиція автора, епічна поема, монолог.

Авторская позиция в поэме П.Антокольского «Сын» рассмотрена в статье в контексте советской поэзии военных лет. В качестве сопоставительного материала привлечены стихи «Итальянец» М. Светлова и «Убей его!» К. Симонова. Предпринята попытка показать своеобразие позиции Антокольского, исследовать систему выразительных средств, использованных при ее реализации.

Ключевые слова: авторская позиция, эпическая поэзия, монолог.

Author's position in the poem by P. Antokolskiy "Son" has been scrutinized in the article in the context of the Soviet poetry of the war years. The poems "The Italian" by M. Svetlov and "Kill him!" by K. Simonov have been used as a comparative material. An attempt to show the uniqueness of the Antokolskiy's position, to investigate a system of expressive means used in its implementation has been carried out.

Key words: author's position, epic poem, monologue.

Мы вряд ли ошибемся, утверждая, что в творчестве П.Г. Антокольского поэме «Сын» принадлежит особое место. Никакое другое его произведение не получило такой известности, не стало таким популярным в читательской среде, не вызвало такого количества откликов, оценок, аналитических статей. Стоит напомнить слова, сказанные о «Сыне» другим выдающимся советским поэтом, другом и поэтическим сверстником Антокольского В. Луговским.

«Грозной стихии Великой Отечественной войны, – писал он, – Антокольский отдал свою лучшую вещь – поэму «Сын», полную горестной простоты, мудрой сдержанности, широких философских обобщений и трогательной души лирики. Я люблю эту поэму за ее обожженную простоту, за ту тонкую психологическую нюансировку, которая рождается только великим страданием, за целомудренность пафоса и притушенность лирики в тех местах, где ранний Антокольский развернул бы всю партитуру своих эмоциональных возможностей» [1(2: 347)].

Хотя поэма «Сын» привлекала к себе внимание критиков и исследователей чаще, чем любое другое произведение Антокольского, проблема авторской позиции в ней почти не затрагивалась. Ведь нельзя подменить ее научное рассмотрение постоянно повторяемой и самоочевидной истиной, что в поэме выражены чувства убитого горем отца, потерявшего любимого ребенка.

Следует не упускать из виду и то, что поэма Антокольского была написана 70 лет тому назад, абсолютное большинство посвященных ей статей появилось во время войны и сразу после нее, а в последнее время они стали большой редкостью. Между тем за этот долгий исторический срок сменились поколения и в общественном сознании произошли значительные перемены. Слово «немец» давно перестало быть синонимом слова «враг», мы прочли роман Ремарка «Время жить и время умирать» и большое количество других подобных произведений.

Пришло осознание того факта, что немцы бывают разные. Были среди них преступники, убийцы, грабители, изверги, деяния которых никогда не могут быть прощены и забыты. Но для большинства солдат, брошенных Гитлером в кровавую мясорубку, война была таким же бедствием, как и для советских людей, они тоже хотели мирно жить, а не убивать или быть убитыми, там, как и здесь, были и горе, и слезы, и похоронки, и вдовы, и сироты. Тогда об этом не думали и не писали, не говоря уже о том, что советская власть стремилась навязать всем единый образ мыслей и отступать от ее предписаний было и трудно, и опасно.

Но и тогда имели место существенные различия в понимании и оценках происходящего, и эти различия запечатлела и художественная литература, в том числе эпическая и лирическая поэзия. Чтобы увидеть в правильном свете и достоверно проанализировать авторскую позицию в поэме «Сын», нужно рассмотреть ее и в исторической перспективе, и в контексте своего времени, в сопоставлении с другими произведениями, написанными тогда же, когда и поэма Антокольского. В качестве неких «точек отсчета» мы обратимся к двум стихотворениям – «Итальянец» Михаила Светлова и «Убей его» Константина Симонова. Оба они принадлежат к вершинам советской лирики военных лет и вместе с тем запечатлели два разительно несходных, может быть, даже противоположных подхода к проблеме, поставленной и в поэме «Сын».

Светлов вглядывается в убитого им итальянца и вглядывается сочувственно. Из того, что крест на его груди без резьбы, узора и глянца, он делает вывод, что мертвый юноша единственный сын небогатого семейства, жалеет, что молодой неаполитанец не живет счастливой жизнью «над родным знаменитым заливом». Все стихотворение – это монолог, утверждающий правоту поэта, сделавшего роковой выстрел. Ведь он, мечтавший увидеть далекий вулкан и прокатиться в гондоле,

не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля! [2: 97].

Он выстрелил здесь, где родился, защищая свою землю, нами распаханную и засеянную. Его убежденность в своей правоте неколебима:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Но завершает он все же не торжеством победителя, а скорбью о том, кого он оказался вынужден убить:

... разбросано в снежных полях

Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах... [2: 98].

Позиция, выраженная в стихотворении Симонова, в чем-то совпадающая с позицией Светлова, все же принципиально иная. Это не объяснение своего права на нежеланный, вынужденный выстрел, а страстный призыв убивать, убивать всех, убивать как можно больше.

Вот лишь два отрывка из этого довольно пространного текста:

Если ты не хочешь отдать
Немцу с черным его ружьем
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,—
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед,—
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Если немца убил твой брат,—
Это он, а не ты солдат. <...>
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей! [3:138-139].

Не стоит отрицать, что в июле 1942 г., когда было написано это стихотворение, оно отвечало чувствам, которые кипели в сердцах миллионов людей. Но прошло сравнительно немного времени, и его направленность морально устарела. Незнакомой воле или под внешним нажимом, но слово «немец» было полностью устранено из текста и заменено словом «фашист». Заглавие, действительно выражавшее самую суть, главную мысль, мастерски и эмоционально проведенную сквозь все стихотворение, было отброшено, и его озаглавили по первому стиху: «Если дорог тебе твой дом...».

Известный литературовед Б.М. Сарнов писал об этом так: «...пронизывающая стихотворение ненависть и гадливость к немцу (именно к **немцу**, а не “фашисту”) была не

идеологией, а **чувством**. И не будь это чувство искренним, не было бы и стихотворения. Вот почему не надо было бы ему в послевоенных изданиях этого стихотворения менять “немцев” на “фашистов”. Конечно, сделал он это не по своей воле, а под давлением изменившихся обстоятельств. Скорее всего, это было даже не давление, а жесткий ультиматум: не вычеркнешь “немцев”, не заменишь их “фашистами”, – печататься (перепечатываться) это стихотворение не будет. И все-таки не надо было бы ему на это соглашаться [4: 926].

Если дело и обстояло так, то приходится признать, что сделка с совестью не принесла желанных результатов. Даже переименованное и переозаглавленное стихотворение издателя как бы выводило из симоновского поэтического наследия. Например в трехтомное издание «Сочинений», выпущенное в 1952 г., стихотворение «Убей его» не вошло даже под измененным названием, хотя в нем есть обширный раздел «Годы войны», в сверх того ряд стихотворений военных лет напечатаны в рубрике «Лирика».

Такое отношение к этому очень сильному и значительному стихотворению, на наш взгляд, глубоко несправедливо. Мы, напротив, намерены видеть в нем своего рода веху, некую точку отсчета в своем рассмотрении позиции Антокольского, выразившейся в поэме «Сын». Предметом нашего рассмотрения будет третья глава поэмы («Я слышал взрывы тыщетонной мощи...»), представляющая собой монолог, обращенный к воображаемому отцу убийцы Владимира Антокольского.

Обратим на это особое внимание. Светлов пишет о совершенно не знакомом ему человеке, которого он, по-видимому, впервые увидел уже мертвым. Еще очевиднее различие с Симоновым и его призывом убить любого немца. Антокольский же пишет об убийце своего сына. Он не знает его имени, тем не менее, конкретность адресата его обвинительного монолога намного превосходит то, что можно видеть у обоих вышеназванных поэтов.

Вместе с тем главное, в чем Антокольский их, на наш взгляд, превосходит, – это продуманная и мастерски реализованная масштабность анализа произошедшей трагедии, от ее начальных истоков до заложенных в нем выводов на будущее. Он начинает рассказ о западне, в которую попал и в которой погиб его сын, издаেকে:

Ее нашел в пироксилине химик,
А металлург в обойму загвоздил.
Ее хранили пачками сухими <...>
Она звенела в сейфах у банкиров,
Ползла хитро и скалилась мертво,
Змсилась, под землей траншеи вырыв... [5:557].

Еще «убийцы наших сыновей / Спят сладко, запеленаты в пеленки», а «Германия, ощеренная вся», уже присматривается к нашим детям. Наступает время, когда эти убийцы будут брошены в разбойные походы и станут творить свои «страшные дела». Иссохшие тела повешенных раскачиваются на крючьях, тела расстрелянных стариков, детей и женщин брошены во рвы

Кто их убил? Кто выклевал глаза им?
Кто, ошавев от страшной наготы,
В крестьянском скарбе шарил, как хозяин?
Кто? – Твой наследник. Стало быть, и ты... [5: 559].

Понятно, что и образ отца, к которому обращен монолог, и его наследника представляют собой результат широкого обобщения и в известном смысле даже символичны. И вот что особенно важно: в этом монологе, одновременно и горестном, и гневном, заложена и продуманно развита идея, которой не задавался Светлов и которую на дух не воспринял бы Симонов: что в убийце Владимира Антокольского, палаче и изверге, изначально были заложены добрые задатки, а таким, каким он стал, его сделал «воспитатель»:

Ты, воспитатель, сделал эту сволочь,
И, прашуру пещерному под стать,
Ты из ребенка вытравил, как щелочь,
Всё, чем хотел и чем он мог бы стать.
Ты вызвал в нем до возмужанья похоть,
Ты до рожденья злобу в нем разжег <...>
Ты отнял у него миры Эйнштейна
И песни Гейне вырвал в день весны,
Арестовал его ночные тайны
И обыскал мальчишеские сны [5:559].

Из этого вытекает вывод величайшей важности, что Антокольский обвиняет не то или иное отдельное лицо, он обвиняет **ФАШИЗМ**, и в этом таится важное отличие его ненависти от ненависти, выраженной в «Убей его» К.Симонова. Да, «воспитатель» – это отец немецкого солдата. Но ведь он не один его воспитывал, не один вытравливал из него то, чем он хотел бы и мог стать, не один вырвал из обихода наследие великих евреев, живших и творивших в Германии. В этом соучаствовали и созданная нацистами система образования, и пронизанная античеловечной пропагандой печать, и «Гитлерюгенд», и вся атмосфера, в которой входила в жизнь и духовно формировалась молодежь, представители которой не могли стать тем, чем хотели.

В результате вместо нормального, может быть, хорошего человека появился выродок, чьи действия могут вызвать лишь ужас, омерзение и ярость. Есть в поэме место, которое зримо перекликается с тем, что мы видели в стихотворении «Убей его!». У Симонова:

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел,— так ее любил,—
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В столах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви... [3:137].

У Антокольского:

Ту, пред которой сын мой с обожаньем
Не смел дышать, так он берег ее,
Твой отпрыск с гиком, с жеребьим ржаньем
Взял и швырнул на землю, как тряпье [5: 560].

Но в целом именно в поэме «Сын» проблема поставлена и исследована так, что мысль поэта не устарела и не поблекла на протяжении годов и десятилетий, и не понадобилось ее ни подправлять, ни корректировать, ни стесняться включать вдохновенное и страстное произведение в собрания сочинений.

На последних страницах поэмы «Сын» мы читаем строки, которые любила и многократно цитировала советская критика:

Нет права у тебя ни на какую
Особую, отдельную тоску.
Пускай, последним козырем рискуя,
Она в упор приставлена к виску.

Не обольщайся. Разве это выход?
Всей юностью оборванной своей
Не ищет сын поблажек или выгод
И в бой зовет миллионы сыновей.

И в том бою, в строю неистребимом
Любимые чужие сыновья
Идут на смену сыновьям любимым
Во имя правды, большей, чем твоя [5: 573-574].

Мы не можем с уверенностью судить, был ли Антокольский до конца искренен, когда писал эти три строфы, или верх взяла житейская опытность, понимание требований, содержащихся в официальных идеологических установках, вполне резонные опасения, что он будет обвинен именно в том, что воспекает «особую, отдельную тоску» и не заботится о миллионах чужих сыновей, и текст подвергся обычной по тем временам автоцензуре. Но очевидно, что в идейно-образной и эмоциональной структуре данной поэмы этот пассаж выглядит инородным телом. Вся она пронизана единой мыслью о своем единственном сыне и нет никакой другой правды, кроме несносного горя, вызванного невосполнимой потерей.

Как бы то ни было, именно это чувство взяло верх, и Антокольский завершил свою поэму не процитированным выше победно-агитационным кличем, а безысходно горестным и проникновенным реквиемом, в котором именно и звучит особая, отдельная, только им испытываемая тоска, и право на нее мы признаем за ним неоспоримо, и понимаем, что миллионы сыновей не заменят ему его сына и что это правда, больше которой нет и быть не может.

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть
Прощай, моя молодость, милый сыночек.

Пусть этим прощаньем окончится повесть
О самой глухой из глухих одиночек <...>
Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.

На этом кончается повесть о сыне [5: 574].

ЛИТЕРАТУРА

1. Луговской Вл. Собрание сочинений: [в 3-х т.]. - М.: Худож лит., 1971. – 432, [2] с.
2. Светлов М.А. Беседа! – М.: Молодая гвардия., 1969. – 384 с.
3. Симонов К. Стихи. Пьесы. Рассказы. М.: ОГИЗ., 1949. – 747 с
4. Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Книга четвертая. – М.: Изд-во «Эксмо», 2011. – 1184 с.
5. Антокольский П.Г. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель., 1982. – 784 с.